

Жизнь Императора Александра II-го на южномъ берегу Крыма ¹⁾.

В. Х. Кондараки, члена разныхъ ученыхъ обществъ.

16-го августа ко мнѣ прибылъ одинъ изъ служащихъ на Quaker-City за судовыми документами и заявленіемъ, что они сегодня отходятъ изъ Ялты. Судя по рассказамъ его, всѣ туристы очень довольны посѣщеніемъ Крыма и намѣрены устроить маленькую демонстрацію представителю края, если онъ, согласно данному обѣщанію, посѣтитъ ихъ пароходъ.

Дѣйствительно, въ этотъ же день, послѣ захода солнца за горы, П. Е. Коцебу со всѣмъ семействомъ своимъ поѣхалъ къ американцамъ. Какъ только онъ началъ приближаться къ пароходу, наши заатлантическіе друзья начали салютовать ему пушечными выстрѣлами и приняли на палубу съ такими почестями, какія не приняты обыкновенно путешественниками. Затѣмъ ихъ угощали, благодарили, пили за здоровье государя и благоденствіе русскаго народа.

Съ наступленіемъ вечера наши гости освѣтились на прощаніе бенгальскими огнями и, пустивъ нѣсколько ракетъ, снялись съ якоря. Противъ Ливадіи судно ихъ выпустило паръ и начало салютовать императорскому дворцу и снова, освѣтившись разноцвѣтными огнями, продолжало дальнѣйшій путь.

17-го числа Ялту снова посѣтилъ Государь Императоръ съ Супругою и августѣйшими дѣтьми, изъ которыхъ В. К. Владиміръ Александровичъ былъ верхомъ. За царскою коляскою слѣдовалъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ с. г.

въ кабриолетѣ Великій Князь, намѣстникъ Кавказа Михаилъ Николаевичъ съ супругою, а за ними неотступный Мустафа и инженеръ подполковникъ Шишко, по-прежнему употреблявшіе всѣ усилія быть постоянно на виду и обращать всеобщее вниманіе народа на заслуженное довѣріе.

18-го августа прибылъ къ намъ изъ Константинополя второй турецкій пароходъ. Прежде чѣмъ онъ бросилъ якорь, въ городѣ заговорили, что пріѣхалъ на немъ старшій сынъ султана съ желаніемъ сблизиться съ нашимъ правительствомъ и искать въ немъ поддержки. По этому поводу у всѣхъ почти разыгралось воображеніе. Одни находили, что Государь никогда не станетъ поддерживать полудикихъ фанатиковъ, которые считаютъ за услугу предъ божествомъ истреблять христіанъ, а другіе положительно утверждали, что человеколюбивый нашъ монархъ терпѣть не можетъ эту націю и душево желалъ бы возстановить въ ней самостоятельность славянскихъ племенъ и даже Греціи въ первобытныхъ границахъ. По мѣрѣ этихъ разсказовъ на пристань собирался народъ и трактовалъ о томъ, кто явится изъ Ливадіи привѣтствовать султанское высочество. Но такъ какъ не имѣлось никакихъ официальныхъ свѣдѣній, подтверждающихъ народное предположеніе, то я самъ поѣхалъ опросить этотъ пароходъ. Мнѣ сообщилъ капитанъ, что прибылъ съ нимъ Кабуль-Русеть-паша съ подаркомъ его величеству отъ султана, который состоитъ изъ 6-ти лучшихъ арабскихъ жеребцовъ. Одновременно съ выѣздомъ моимъ съ парохода туда прибылъ для приѣма молодого паши адъютантъ генералъ-губернатора князь Урусовъ, который перевезъ гостя въ Ливадскій домъ. Нѣсколько времени спустя свезены были на берегъ и лошади, которыя сейчасъ же отправлены были въ Ливадію. Сколько намъ извѣстно, лица, сопровождавшія ихъ, получили каждый золотые часы. Паша пробылъ у насъ два дня.

Тѣмъ временемъ въ окрестностяхъ нашего города созрѣлъ лѣчебный виноградъ и больные, страждущіе полнотою, одышкою и желудочными болѣзнями, начали съѣзжаться и подымать цѣны на квартиры. За ними точно голодные волки слѣдовали коробейники, окулисты, акробаты, зубные врачи, медики, не имѣвшіе практики, скороходы и т. п. авантюристы, не щадившіе количества анонсовъ въ полномъ убѣжденіи, что Ялта, не видѣвшая раньше ничего подобнаго, обогатитъ ихъ; но изъ нихъ, кажется, счастливые оказались акробаты, пришедшіеся по вкусу горскихъ жителей.

До первыхъ чиселъ сентября въ Ливадіи тихо и спокойно проходила жизнь августѣйшихъ гостей. По примѣру прежнихъ лѣтъ Государь Императоръ ежедневно совершалъ по утрамъ прогулку пѣшкомъ, купался въ морѣ, ѣздилъ по окрестнымъ дачамъ въ Ореанду, Кореизъ, Гаспру, Алупку, Гурзуфъ, въ лѣсничество и водопадъ „Учанъ-су“. Въ минуты досуга императорское семейство, какъ говорили мнѣ, часто слушало прекрасные стихи маститаго нашего поэта князя Вяземскаго, который въ это время состоялъ при придворной конторѣ въ качествѣ совѣтника и, несмотря на свои 75 лѣтъ, казался еще очень бодрымъ и впечатлительнымъ. При Вяземскомъ находился въ качествѣ сотрудника другой начинающій свою литературную карьеру труженикъ изъ податнаго происхожденія Пономаревъ, который, занимая въ моемъ дворѣ комнату, постоянно прочитывалъ мнѣ новыя творенія своего мецената, написанныя подъ вліяніемъ южнобережскихъ картинъ. Князя Вяземскаго я нѣсколько разъ встрѣчалъ на бульварчикѣ нашемъ, когда играла здѣсь музыка, нарочно высылаемая по временамъ изъ Ливадіи для развлеченія публики. Онъ всегда былъ одинокъ и какъ-бы боялся испортить свое поэтическое настроеніе въ компаніи людей съ противоположными наклонностями. На бульварикъ этотъ собиралось обыкновенно и большинство придворныхъ, какъ только скрывалось за горами солнце и наступала вечерняя прохлада. По ихъ веселымъ разговорамъ и знакомству съ пріѣзжими можно было думать, что они вполне счастливы въ Ливадіи, но наединѣ они не переставали тосковать по семействамъ, роднымъ и друзьямъ, съ которыми не могли встрѣчаться, хотя и переписывались съ ними при всякомъ отбываніи курьеровъ, слѣдующихъ изъ Ливадіи чуть-ли не ежедневно.

Въ концѣ августа прибыли на южный берегъ Ихъ Высочества Вел. Кн. Николай Николаевичъ и принцъ Ольденбургскій, а вслѣдъ затѣмъ вторично пріѣхалъ изъ Константинополя генералъ Игнатьевъ.

30-го числа, по случаю тезоименитства Его Величества, послѣ молебствія и обыкновенныхъ привѣтствій, сопровождаемыхъ парадомъ, пушечными выстрѣлами и разцвѣтываніемъ военныхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, насъ извѣстили, что въ Ливадіи все подготовлено къ большому народному празднику, на который будутъ допускаться всѣ безъ исключенія. Вѣсть эта подняла всѣхъ на ноги, и заѣзжіе дворы наполнились сотнями требующихъ лошадей и колясокъ и съ ужасомъ кричавшихъ,

что за экипажъ до Ливадіи ¹⁾ требуютъ minimum 25 руб., а за верховую лошадь 6 руб.; такъ какъ вчера за первый брали въ оба конца 4 руб., а за лошадь только рубль.

Однако, несмотря на эти громадныя цѣны, въ 3 часа пополудни мы встрѣчали по дорогѣ въ Ливадію сотни верховыхъ и всѣ не только находящіеся въ Ялтѣ и съ окрестныхъ дачъ коляски, фаэтоны и кабриолеты, но даже и дроги, наполненные дамами въ роскошныхъ нарядахъ. Всѣхъ направляли на нижній склонъ Могабія, гдѣ на прекрасной гладкой полянѣ, окаймленной лѣсомъ, заканчивались приготовленія къ празднику. Прибывъ на мѣсто, я засталъ уже довольно значительную толпу южнобережскихъ жителей, покоившихся подъ тѣнистыми деревьями съ папиросами и трубками въ зубахъ; тутъ же наскоро сколоченный какимъ-то французомъ буфетъ и массу торговцевъ съ корзинами, наполненными различнаго рода фруктами. Поляна, на которой долженъ былъ происходить праздникъ, имѣла чрезвычайно пріятный видъ: покрытая свѣжею зеленью она со всѣхъ почти сторонъ окружена была высокими выступами, заросшими лѣсными деревьями, въ одномъ же изъ окончаній ея выдвигался остроконечный холмъ, прорѣзанный гранитными уступами, который буквально былъ занятъ татарками въ интересныхъ нарядахъ, собравшимися сюда изъ ближайшихъ деревень, чтобы полюбоваться торжественными играми въ честь русскаго падишаха. Противъ этого живописнаго холма, въ противоположномъ углубленіи долины, воздвигнутъ былъ великолѣпный навильонъ для дамъ, имѣвшихъ билетъ на право входа на праздникъ.

Между двумя этими навильонами обозначенъ былъ веревками кругъ, по которому должна была происходить скачка, а немного подальше стояли двѣ татарскія арбы, убранныя во вкусъ временъ хановъ. Запряженные въ нихъ волы были покрыты красными пононами, а рога вызолочены. Противъ царской палатки воздвигнутъ былъ высокій (до 18 арш.) шестъ съ обручемъ на вершинѣ, предназначенный для тѣхъ, кто пожелаетъ показать свое искусство взобраться на вершину его, а немного подальше, на сваяхъ, треугольникъ, составленный изъ трехъ брусковъ, который, при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему ногамъ, переворачивался и такимъ образомъ дѣлался

¹⁾ За 4-хъ-верстное разстояніе.

совершенно непроходимымъ для желавшихъ пройти по немъ до противоположнаго конца.

Ровно въ 5-ть часовъ прибыли на мѣсто праздника передовые, извѣстившіе о слѣдованіи Государя Императора съ Августѣйшимъ семействомъ. И дѣйствительно нѣсколько минутъ спустя полковая музыка заиграла встрѣчный маршъ, подъ звуки которой вошли въ павильонъ Его Величество съ супругою, Великіе Князья Владиміръ, Сергій и Павелъ Александровичи, Великая Княжна Марія Александровна, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ съ супругою и принцъ Ольденбургскій. Ихъ сопровождали графы: Адлербергъ и Шуваловъ, генераль-губернаторъ Коцебу, начальникъ Черноморскаго флота Глазенацъ, посланникъ Игнатьевъ, извѣстный инженеръ-генераль Тотлебенъ и многіе другіе придворные чины.

Его Величество, встрѣченный восторженными криками толпы, помѣстился впереди вѣхъ, окруженный со всѣхъ сторонъ Августѣйшими Членами своей семьи. Въ ту же минуту противъ Императора выстроились въ линію лошади, предназначенныя для скачки. Его Высочество Владиміръ Александровичъ прозвонилъ сигналъ. Публика приблизилась къ канату и съ удовольствіемъ слѣдила за небольшимъ татарченкомъ, лѣтъ 12-ти, который съ первой минуты бѣга былъ впереди всѣхъ настолько, что никто изъ участвовавшихъ въ гонкѣ не могъ поровняться съ нимъ, но, увы, бѣдняжка въ то время, когда онъ близокъ былъ къ Императорскому павильону, когда первый привъ, такъ сказать, уже касался его руки, быстрый горскій конь его споткнулся и крошечный сѣдокъ полетѣлъ кубаремъ на землю, но сейчасъ же поднялся на ноги. Публика гаркнула. Надо было видѣть отчаяніе этого мальчика, когда привъ достался болѣе счастливому сопернику. Во все это время пускались воздушные шары, которые, благодаря тихой погодѣ, подымались чрезвычайно высоко и изумляли въ особенности татарокъ, ожидавшихъ отъ нихъ взрывовъ и прятавшихся въ лѣсныя чащи. Послѣ скачки татаръ выступили для этого же казаки на своихъ лошадяхъ. Намъ показалось удивительнымъ, что кони ихъ неслись такъ тихо, что почти нельзя было слышать прикосновенія ихъ ногъ къ землѣ. Послѣ казаковъ выступили гвардейцы крымско-татарскаго полуэскадрона, но они далеко уступали въ наѣздничествѣ своимъ собратіямъ по оружію. Затѣмъ началось карабканье на отесанный гладко высокій

шесть. Многие пробовали свою ловкость, однако никто не могъ достигнуть и до половины его высоты и въ то время, когда зрители готовы были порѣшить, что нѣтъ въ публикѣ способнаго на это искусство, на арену выступилъ тотъ самый татарченокъ, который по волѣ судьбы лишился приза на скачкѣ. Явно было, что этому герою въ аршинъ роста не хотѣлось возвратиться съ Царскаго праздника съ пустыми руками и главное обезславленнымъ неудачею. Измѣривъ глазомъ высокій шесть, онъ плюнулъ на ладони, схватился за него и, ни на секунду не отдыхая, подобно обезьянѣ, взобрался на самую высшую точку столба и снялъ призывный значекъ. Громкое *браво* и аплодисменты раздались со всѣхъ сторонъ. Окончивъ предпринятое, онъ быстро спустился съ шеста и подошелъ къ Его Величеству, по приказанію котораго удостоился получить изъ рукъ Вел. Кн. Сергѣя Александровича цѣнный подарокъ. Послѣ этого приступили къ вертящемуся треугольнику, съ котораго безпрестанно слетали на землю желавшіе прогуляться по немъ. Затѣмъ снова началась скачка или скорѣе игра въ платки на лошадяхъ. Первый призъ снова достался маленькому татарченку. Въ заключеніе показано было движеніе татарскихъ подводъ, наполненныхъ нарядными татарками, послѣ чего Государь поднялся съ мѣста и въ сопровожденіи семейства и сановниковъ направился къ экипажу своему. Вслѣдъ за нимъ всѣ направились въ Ливадію, и площадь моментально опустѣла. О числѣ посѣтителей можно было судить приблизительно потому, что вся дорога отъ мѣста праздника версты на двѣ была загромождена экипажами, верховыми и пѣшими. Ихъ Императорскія Величества на половинѣ пути изволили остановиться на фермѣ, иллюминированной очень красиво, и откушать кофе. Отъ фермы этой вдоль по протяженію всей дороги до Императорскаго дворца зажжены были плошки. Передъ экипажемъ же Ея Величества ѣхали татары съ факелами. Въ тотъ моментъ, когда Государь съ Августѣйшимъ Семействомъ въѣхалъ въ Ливадію, великолѣпнѣйшая иллюминація сіяла уже въ полной красѣ и два хора музыки гремѣли предъ дворцомъ.

Такъ какъ никому не воспрещалось входить сюда, то понятно, что дворецъ со всѣхъ сторонъ осажденъ былъ толпою народа, который надѣялся видѣть, что дѣлалось внутри дворца, но къ сожалѣнію намъ пришлось только на слѣдующій день узнать, что въ одной изъ залъ его очень удачно разыгранъ былъ спектакль или водевиль для нѣсколькихъ лицъ, нарочно

написанный къ этому празднику кн. Вяземскимъ. Памятное торжество этого дня закончено блистательнымъ фейерверкомъ.

На слѣдующій день выѣхалъ изъ Ялты принцъ Ольденбургскій, а два дня спустя генераль Игнатьевъ къ посту своему въ Константинополь, гдѣ дѣла, повидимому, требовали его присутствія, хотя и не представлялось ничего грозящаго взрывомъ. Послѣ выѣзда этихъ двухъ лицъ многіе изъ пріѣзжихъ, покончившихъ свои ходатайства или получившихъ высочайшія милости, изъ боязни переѣзжать море въ дни равнодѣйствія, когда оно обыкновенно волнуется, начали собираться также во свояси. Поспѣшности этой, безъ сомнѣнія, посодѣйствовало газетное заявленіе, что въ ночь съ 23-го на 24-е августа отъ Бологого до Москвы, по линіи Николаевской желѣзной дороги, выпалъ снѣгъ болѣе чѣмъ на четверть глубиною. Это было поводомъ большого требованія дорожныхъ экипажей и почтовыхъ лошадей, которыми въ то время Ялта не особенно изобиловала.

5-го сентября изъ Ялты вышла императорская яхта „Тигръ“ съ главнымъ командиромъ черноморскаго флота Глазенапомъ и генераль-губернаторомъ Коцебу для слѣдованія въ Севастополь и присутствія при открытіи и освященіи памятника покойному адмиралу М. П. Лазареву, которое должно было послѣдовать 9-го сентября, въ день рожденія Его Высочества генераль-адмирала Константина Николаевича. По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами, памятникъ этотъ уже установленъ былъ на бывшемъ адмиралтействѣ на мысѣ, раздѣляющемъ Южную и Корабельную бухты, и церемоніаль открытія его утвержденъ былъ высочайшимъ повелѣніемъ. Торжество сопровождалось значительными почестями въ присутствіи мѣстныхъ представителей власти и нѣсколькихъ адмираловъ, нарочно прибывшихъ изъ столицы. При торжествѣ этомъ развѣвалось георгіевское знамя черноморскаго экипажа, суда, стоявшія на рейдѣ, произвели полный адмиральскій салютъ, а контръ-адмиралъ Шестаковъ произнесъ приличную случаю рѣчь.

6-го сентября мнѣ говорили въ Ливадіи, что Его Величество остается очень доволенъ аккуратными рейсами и вообще дѣятельностію русскаго общества пароходства на Черномъ морѣ. Такое мнѣніе Монарха имѣло вѣроятно громадное значеніе для того лица, которое, основавъ впервые это общество, чуть не рухнуло въ пухъ и прахъ съ своимъ выгоднымъ предпріятіемъ, если бъ не послѣдовала чрезвычайная милость добраго и ничего не щадившаго для блага Россіи Императора. Какъ ни покажется читателямъ страннымъ, что мы расскажемъ здѣсь

этотъ минувшій фактъ, но въ виду того, что онъ не опубликованъ и очень немногимъ извѣстенъ, находимъ нужнымъ привести его для характеристики славнаго Монарха. Если въ рассказѣ нашемъ найдется что-нибудь несправедливое, то надѣмся, что исторія не поставитъ намъ въ упрекъ, такъ какъ мы пишемъ не съ официальныхъ данныхъ, а съ того, что сами видѣли и слышали отъ добросовѣстныхъ людей.

Мысль основанія пароходства на Черномъ морѣ для перевозки грузовъ и пассажировъ сейчасъ же послѣ Крымской кампаніи явилась у многихъ моряковъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ ни достаточныхъ средствъ, ни близкихъ сношеній съ людьми денежными или высоко поставленными. Когда эта мысль сообщена была Н . . . , любителю разныхъ проектовъ и человѣку предпріимчивому, онъ, быстро взвѣсивъ громадное значеніе ея для южной Россіи, рѣшился приступить къ реализаціи этого сложнаго дѣла. Естественно, что всѣ располагавшіе денежными средствами и желавшіе помѣстить ихъ на выгодныхъ условіяхъ сразу изъявили свое согласіе. Правительство, которому непріятно было, что большинствомъ принадлежавшее намъ море находится въ полномъ распоряженіи иностранныхъ судовъ, естественно видѣло въ такомъ предпріятіи много различныхъ выгодъ и, конечно, поощрило антрепренера щедрою субсидіею. если ему удастся составить капиталъ и начать дѣло. Заручившись такими основаніями, Н... вдобавокъ женился на особѣ, предложившей въ его распоряженіе цѣлый милліонъ рублей, которые онъ сейчасъ же вложилъ въ затѣянное дѣло. Продолжая дѣйствовать съ неослабною энергіею, этотъ человѣкъ въ непродолжительное время располагалъ уже 9 милліоннымъ капиталомъ, съ которымъ, конечно, смѣло приступилъ къ хорошо обсужденному предпріятію. Съ появленіемъ первыхъ солидныхъ пароходовъ его, начавшихъ установленные рейсы, правительство сейчасъ же установило норму субсидіи и, такъ сказать, признало за основателемъ компетентность его. Н..., послѣ устройства главной конторы въ Одессѣ и агентствъ по прибрежнымъ городамъ, разумѣется, съ значительнымъ содержаніемъ, чтобы сгруппировать около себя порядочныхъ людей, отправился за границу съ тѣмъ, чтобы лично изслѣдовать, какіе слѣдуетъ предпочесть морскіе пункты для рейсовъ на Средиземномъ морѣ и вообще въ турецкихъ владѣніяхъ, гдѣ ни одна пароходная компанія не относилась къ дѣлу съ должнымъ вниманіемъ. Кромѣ этого онъ надѣялся выпросить болѣе удобные пункты для стоянки своихъ пароходовъ и кое-какія привиле-

гін, которыя, какъ извѣстно, не охотно предоставляются за границею иностраннымъ конкурентамъ. Для большей же важности и популярности, онъ испросилъ разрѣшеніе на изданіе газеты.

Н... очень долго разгуливалъ за границею и дѣлалъ все, что могъ сдѣлать для выгодъ своего предпріятія; человекъ умный и ловкій, но тѣмъ временемъ у него произошелъ семейный разладъ и жена его вмѣстѣ съ разводомъ потребовала безотлагательно возвратить ей деньги, затраченныя на дѣло. Требованіе это, какъ говоритъ молва, было настолько наступательное, что антрепренеру ничего болѣе не оставалось, какъ пасть въ ноги Императору и умолять его о спасеніи дѣла. Такъ и сдѣлалъ Н... Добрый Государь, выслушавъ до мельчайшихъ подробностей исповѣдь этого полезнаго дѣятеля и взвѣсивъ какъ лично неприятное положеніе его, такъ равно и положеніе крайне нужнаго и хорошо поставленнаго имъ дѣла, приказалъ немедленно выдать Н... одинъ милліонъ рублей безвозвратно изъ казны, чтобы расчитаться съ женою и возстановить въ немъ прежній энергичный духъ къ продолженію нужнаго для Россіи дѣла. Такая историческая щедрость не была щедростью частною, а чѣмъ-то особенно величавымъ со стороны Монарха, ставившаго деньги ниже всякаго полезнаго предпріятія, могущаго служить въ пользу народа и отечества.

Нѣтъ сомнѣнія, что его величество помнилъ свою громадную услугу, оказанную человеку въ интересахъ монархіи, и если онъ выразилъ въ настоящее время свое удовольствіе, то конечно ему было пріятно, что содѣйствіемъ своимъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ большую выгоду не одному инициатору, а тѣмъ, которые довѣрили свои капиталы Н..., народу, не имѣвшему никакихъ перевозочныхъ средствъ на протяженіи всей береговой линіи Чернаго моря со стороны Россіи и въ заключеніе Россія, лишенная права послѣднимъ трактатомъ держать военныя суда на этомъ морѣ, все-таки имѣла хоть и не боевые, но легко примѣнимые при нуждѣ прекрасные пароходы ¹⁾.

Тѣмъ временемъ газеты сообщали намъ, что послѣ 2-хъ-мѣсячнаго перемирія, на островѣ Кандіи вновь начались драки, что Сербія вооружилась; что Гарибальди рванулся было на Римъ, но потерпѣлъ пораженіе отъ французовъ, явившихся на помощь къ папѣ; что Турція укрѣпляется, а императоръ

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ пароходовъ въ Турецкую кампанію 1877—78 гг. отлично справлялись даже съ турецкими броненосцами.

Наполеонъ замышляетъ союзъ съ нею и Австрією, чтобы парализировать наше вліяніе на восточный вопросъ и что наше правительство объявило общій по имперіи наборъ по 4 человекъ съ тысячи.

Всѣ эти новости не особенно нравились намъ, близкимъ сосѣдамъ къ туркамъ, но въ виду того, что Государь находился съ нами и изъ Ливадіи не слѣдовали никакія зловѣщія предсказанія, мы продолжали наслаждаться нашимъ покоемъ и ежедневною встрѣчею съ членами императорской фамилии, которые находились постоянно въ бодромъ и веселомъ настроеніи. Что касается Государя, то онъ, повидимому, поздоровѣлъ и забылъ окончательно про прошлое и только разъ былъ недоволенъ распоряженіями ливадскаго управляющаго Лазаревскаго и многими изъ построекъ архитектора Монигетти по случаю бывшаго пожара и обрушенія въ нѣкоторыхъ комнатахъ потолковъ; но мнѣ кажется, что къ этому послужили и другія причины въ родѣ жалобъ со стороны если не всѣхъ, то очень многихъ строителей въ Ливадіи, которые дѣйствительно понесли потери не потому, что цѣны были низкія, а потому, что эти распорядители и ихъ помощники умѣли оттягивать ихъ выгоды въ свой карманъ. Вслѣдствіе чего каждый изъ насъ полагалъ, что эти два дѣятеля будутъ отстранены отъ дальнѣйшихъ распоряженій, но на дѣлѣ оказалось, что милостивый монархъ вознаградилъ и всѣхъ потерпѣвшихъ, и они получили ордена на шею. Что для его величества было особеннымъ удовольствіемъ награждать всѣхъ, оказавшихъ для него какую-либо услугу исполненіемъ возложеннаго на него порученія или просто служебной обязанности, мы это замѣтили въ настоящій пріѣздъ пожалованіемъ всѣхъ ялтинскихъ и прикомандированныхъ къ нимъ въ помощь полицейскихъ чиновниковъ орденами, а волостныхъ головъ медалями и почетными кафтанами. Но болѣе другихъ почувствовалъ матеріальныхъ благъ отъ настоящаго пріѣзда еврей Фарбштейнъ, незадолго до сего торгующій въ Ялтѣ хлыстиками, рамочками и т. п. ничтожными мелочами. Этотъ жидокъ ужъ Богъ вѣсть какимъ образомъ сблизился съ распорядителемъ царскаго двора, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Миллеромъ, который принялъ его въ качествѣ поставщика и предоставилъ ему безъ всякихъ средствъ пріобрѣсти въ теченіе 3—4-хъ мѣсяцевъ около 50 тыс. руб. Какимъ образомъ пріобрѣтены были эти деньги, мы теперь не будемъ говорить, но что онѣ дѣйствительно явились въ карманѣ поставщика,—это свидѣтельствовали пріобрѣтенныя имъ вслѣдъ за

симъ двѣ прекрасныя дачи и то, что онъ не удостоился наравнѣ съ другими получить за службу свою никакого знака, кромѣ номинальной вывѣски ¹⁾ въ качествѣ поставщика. Здѣсь также не мѣсто говорить, какое впечатлѣніе произвелъ даже на татаръ слухъ, что всю провизію къ императорскому столу и свитѣ будетъ доставлять еврей, который по свойству своей натуры станетъ выжимать соки изъ тѣхъ, которымъ раньше приходилось пріобрѣтать лишнюю копейку отъ того, который охотно желалъ предоставить ее бѣдному человѣку.

Естественно, что такое распоряженіе многихъ заставило съ прискорбіемъ отдалиться отъ мѣста, куда ихъ привлекалъ не одинъ только интересъ, а какое-то усердіе, соединенное съ мыслью доставлять властителю всѣ лучшія произведенія своихъ садовъ и рукъ. Я не разъ слышалъ разговоры татаръ, которые убивали на охотѣ дикихъ козъ или доставляли изъ верховья Черной рѣчки форель и раковъ, что въ настоящее время несравненно выгоднѣе продавать эти предметы содержателямъ гостиницъ, чѣмъ въ Ливадію. Насколько все это было справедливо, мы, конечно, не принимаемъ отвѣтственности на себя, хотя и не разъ слышали, что нѣкоторые лица, которыя, прислуживаясь прежде Императору, никогда не получали въ награду меньше 25 руб. кредитнаго билета, а нынѣ довольствовались, если имъ выдавали 8-хъ рублевый. Такъ ли это постановлено было или Миллеръ дѣйствовалъ по личному соображенію, мы также не беремъ отвѣчать, но чтобы дополнить характеристику его распоряженій и вообще оцѣнку стороннихъ услугъ, приведемъ два выдавшіеся факта, которые оставили непріятную память въ народѣ. Всѣмъ извѣстно, что послѣ постройки въ Ливадіи придворной церкви въ ней прикомандировывались на время царскаго пріѣзда лучшіе изъ епархіи священникъ, дьяконъ и дьячекъ, которымъ не выдавалось ничего, кромѣ прогоновъ и затѣмъ, что пожалуетъ Императрица. Нѣтъ слова, что первыя два лица, какъ болѣе обезпеченныя, интересовались повышеніемъ или орденами, но для послѣдняго, получавшаго какихъ-нибудь 15 или 20 руб. казеннаго жалованья въ годъ и существующаго на счетъ церковныхъ требъ, крайне необходимы были деньги для содержанія оставленныхъ ими дома семействъ.

На этотъ разъ командированъ былъ въ Ливадію дьячекъ, у

¹⁾ Въ нашемъ дневникѣ изложены довольно подробно всѣ дѣйствія этого еврея относительно поставокъ въ Ливадію.

котораго ничего не было кромѣ большого семейства. Разставаясь съ нимъ, онъ, естественно въ надеждѣ получить богатя и великія милости отъ Царицы, которой будетъ служить и которая справедливо взвѣситъ его нужды и значеніе разлуки съ домомъ, успѣлъ открыть для семьи кредитъ у различныхъ добрыхъ людей, которымъ съ благодарностію обѣщаль возвратить долгъ. Когда же окончилась его 4-хъ мѣсячная обязанность въ Ливадіи, гдѣ, разумѣется, во все время не исполнялись никакія требы. дьячку этому Миллеръ предложилъ въ награду 50 руб., т.-е. втрое меньше, сколько онъ пріобрѣталъ въ своемъ приходѣ и сколько необходимо было для расплаты за содержаніе семьи въ его отсутствіи.

— Васъ жалуешь Императрица за вашу безупречную службу, сказалъ нѣмецъ, 50 рублями. Потрудитесь расписаться.

Дьячекъ сложилъ руки и не шевелился съ мѣста.

— Получите вашу награду и распишитесь — повторилъ Миллеръ.

— Я желалъ бы знать, ваше превосходительство—спросилъ дьячекъ—кто меня жалуешь этою суммою, Императрица или вы?

— Я, кажется, вамъ сказалъ уже объ этомъ, да и вы сами вѣроятно слышали, что здѣсь хозяйка Государыня.

— Извините, ваше превосходительство, при всемъ моемъ желаніи повѣрить вамъ я не могу допустить, чтобы ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая мать, захотѣла бы оставить меня за безупречную, какъ вы изволили сказать, службу ей, въ неоплатномъ долгу. И бойкій дьячекъ рассказалъ самымъ подробнымъ образомъ, во что ему самому обошлось отсутствіе изъ дома и богатаго прихода.

Миллеръ побагровѣлъ отъ этой смѣлости.

— Такъ вотъ вамъ еще 25 руб. изъ моихъ собственныхъ денегъ, потому что теперь не время докладывать Ея Величеству и измѣнить распредѣленія.

— Благодарю васъ, но я не возьму этихъ денегъ и самъ постараюсь обратить вниманіе Императрицы на мое безвыходное состояніе.

— Такъ вы вмѣсто благодарности хотите беспокоить Ея Величество?

— Меня злѣгавляетъ нужда.

— Въ такомъ случаѣ вы ничего не получите.

— Не думаю—отвѣтилъ съ улыбкою дьячекъ и вышелъ изъ канцеляріи камергера.

Но пока онъ обдумывалъ, какъ поступить, за нимъ явился посланный. На этотъ разъ Миллеръ объявилъ, что къ подарку Императрицы добавляетъ Государь 120 руб. и золотые часы.

Завѣдывающаго Ялтинскою телеграфною станціею, который во время пребыванія Царской фамиліи лично трудился, генераль-губернаторъ Коцебу, вѣроятно видѣвшій списокъ утвержденныхъ наградъ, поздравилъ съ денежнымъ пособіемъ въ 150 руб. Но какое было изумленіе этого чиновника, когда его потребовалъ г. Миллеръ и предложилъ ровно половину этихъ денегъ. Телеграфистъ отказался ихъ принять и въ тотъ же день заявилъ объ этомъ Коцебу. Къ сожалѣнію, мы не могли узнать, какое оправданіе принесъ начальнику Новороссійскаго края почтенный камергеръ, но до насъ дошли свѣдѣнія, что телеграфистъ сполна получилъ назначенные ему 150 руб.

Мы могли бы представить еще многіе подобнаго рода рассказы, но такъ какъ голословныя заявленія имѣютъ видъ клеветы, то воздержимся даже отъ повторенія слуховъ, что довольно значительная сумма, назначенная Императрицею для награжденія всѣхъ временно служившихъ въ Ливадіи въ этомъ сезонѣ, у кого-то осталась безъ выдачи. Правда ли это или безчестная ложь—мы не беремся отвѣчать, но намъ отлично извѣстно, что въ послѣдующіе затѣмъ царскіе отѣзды всегда выдавалось вознагражденіе наемной прислугѣ и всѣмъ постояннымъ служителямъ Ливадіи мінімумъ мѣсячный окладъ жалованья.

Въ концѣ сентября Государь Императоръ покинулъ Ялту, но Ея Величество пробыла у насъ еще мѣсяць и выѣхала на пароходѣ „Тигръ“.

Какъ и въ прежніе годы, въ Ливадіи оставались чиновники для покончанія всѣхъ дѣлъ и счетовъ. Эти чиновники неумолимо работали, чтобы поскорѣе возвратиться къ семействамъ съ порціонами и другими невинными приобрѣтеніями и чтобы погулять на свободѣ, которую не могли имѣть въ Крыму. Одни изъ нихъ распродавали ненужные остатки провизіи, другіе запасались крымскими произведеніями, третьи посѣщали ближайшія дачи, которыхъ не удавалось имъ раньше видѣть. Словомъ, въ это время Ливадія представляла большое движеніе: одни выходили изъ нея съ орденами и другого рода наградами, другіе несли пачки стеариновыхъ свѣчей, куски мыла, горшки топленого масла, коробки сардинокъ, мѣшки съ пухомъ и перьями, дѣтскія поломанныя игрушки, сахаръ въ кускахъ и всякую всячину, разумѣется, купленную за полъ-стѣсности

Ликвидация эта и на этот раз как-то грустно повлияла на туземцевъ, но на этот раз не въ такой степени, потому что всѣ вѣрили, что отнынѣ Императорское Семейство станетъ ѣздить въ Ялту во-первыхъ потому, что сообщеніе становилось удобнымъ и наконецъ потому, что климатическія условія очевидно приносили улучшение здоровья для всѣхъ членовъ Императорскаго Дома, что замѣчено ими сами и сдѣлалось извѣстнымъ публикаціями со стороны другихъ больныхъ чуть-ли не всему міру ¹⁾).

Вообще послѣ этого пріѣзда многіе денежные люди начали другими глазами смотрѣть на нашъ отдаленный уголокъ и изъявили желаніе пріобрѣсти въ немъ клочекъ земли для отдохновенія и подкрѣпленія здоровья. Желаніемъ этимъ воспользовались всѣ тѣ, которымъ принадлежала большая низменная площадь, начинающаяся отъ морского берега по протяженію къ Алупкѣ, на которой сѣялся татарами ленъ и которая, какъ скопляющая въ глинистую почву свою всѣ горныя ключи, сбѣгающіе подземными путями съ сосѣднихъ горъ, во всѣ времена считалась негодною для поселенія человѣка. Вотъ эта заманчивая для глаза поляна, примыкавшая къ морю, которое интересовало всегда пріѣзжихъ, была почти цѣликомъ закуплена у татаръ и грековъ кн. Голицынымъ, раздроблена на мелкіе участки и въ теченіе непродолжительнаго времени распродана большинствомъ людямъ, или совершенно не понимавшимъ, что на этихъ мѣстахъ гибельно будетъ селиться больнымъ, или не думая нисколько объ этомъ, надѣялись, что пріѣзжіе не станутъ вдаваться въ такія мелкія разсужденія, въ особенности когда они засадятъ перегнившую, наполненную міазмами почву различнаго рода красивыми растеніями. Надежды эти ихъ не обманули, но, увы, съ тѣхъ поръ какъ это мѣсто покрылось хорошими зданіями и дѣйствительно начало населяться больными, къ естественной заразѣ прибавилась искусственная и заносная, и Ялта, оживлявшая раньше сотни изнеможенныхъ организмовъ, въ наше время дѣлается чуть-ли не всероссійскимъ кладбищемъ.

Къ счастью, явилось въ Ялту и нѣсколько лицъ, сообразившихъ, что въ горныхъ мѣстахъ слѣдуетъ избѣгать поселенія

¹⁾ Надо помнить, что въ то время не существовало въ Ялтѣ на низменности ни одной квартиры, которыя теперь рекомендуются несчастнымъ больнымъ, увлекающимся ихъ наружнымъ видомъ, и ни одна изъ ялтинскихъ дачъ не была заражена въ такой степени, какъ теперь, непрерывною смѣною больныхъ и умиравшихъ.

на равнинахъ, но къ сожалѣнію число построенныхъ ими дачъ и квартиръ пока очень невелико ¹⁾).

Туземцы кромѣ этого имѣли надежды на приращеніе Ялты съ окончательнымъ устройствомъ Севастопольско-Лозовой желѣзной дороги на томъ основаніи, что московскіе капиталисты, любившіе дачную жизнь въ теченіе лѣтняго сезона, ужасно боялись морскихъ переѣздовъ, вслѣдствіе чего только самые смѣлые изъ нихъ рѣшались предпринимать путешествіе въ Крымъ; что касается до насъ, то въ виду особенной привязанности новороссійскаго генералъ-губернатора Коцебу къ южному берегу и его могущества въ администраціи, мы строили планы объ образованіи по руслу рѣки „Учанъ-су“ небольшой бухты; объ устройствѣ здѣсь высшаго и средняго учебныхъ заведеній для обоюго пола слабосильныхъ дѣтей съ пансіонами при нихъ, куда родители могли бы безъ боязни сдавать ихъ и, наконецъ, для основанія лѣчебницы для бѣдныхъ одинокихъ больныхъ, чтобы спасти ихъ отъ эксплуататоровъ, дать все только необходимое, имѣть постоянныхъ врачей, сестеръ милосердія и т. п.

Всѣ эти планы мы дѣлали и надѣялись видѣть реализованными при сочувствіи правительства къ нуждамъ отечества, которое не трудно было бы вызвать такимъ представителемъ, какъ Коцебу; но къ прискорбію нашему такія блага какъ-то не останавливали вниманія ни единого администратора, вѣроятно на томъ основаніи, что они не обозначены были въ условіяхъ его обязанностей по службѣ. Послѣ этого каждому легко было сообразить, что въ этотъ людной край начнутъ стекаться авантюристы всевозможныхъ профессій.

Въ теченіе этого года послѣдовали слѣдующія Высочайшія распоряженія: подчинено управленіе путей сообщенія Царства Польскаго министерству, упраздненъ тамъ же Государственный Совѣтъ, ратификована конвенція съ Нидерландами о взаимной выдачѣ преступниковъ, уступлены наши американскія колоніи штатамъ, Россія присоединилась къ женеvской конвенціи объ облегченіи участи раненыхъ во время войны, открытъ Варшавскій учебный округъ, утвержденъ уставъ историко-филологическаго института и утверждена концессія на устройство и эксплуатацію прямой Англо-Индійской телеграфной линіи, идущей чрезъ Тавричскій полуостровъ. Два послѣднихъ распоря-

¹⁾ Желающимъ ближе ознакомиться съ условіями жизни въ Ялтѣ мы совѣтуемъ просмотрѣть топографическій отдѣлъ нашего изданія „Въ память столѣтія Крыма“.

женія послѣдовали изъ Ливадіи. Въ заключеніе Россія пріобрѣла послѣ занятія отъ Бухары Яни-Кургана болѣе чѣмъ 2.500 кв. верстную территорію.

Зимою этого года одинъ изъ больныхъ священниковъ, прибывшихъ изъ Москвы для излѣченія въ Ялту, какъ-то случайно рассказалъ мнѣ недавнее событіе въ Св. Сергіевской пустыни, которое естественно не могло представлять ни малѣйшаго значенія, но такъ какъ я любилъ записывать подобныя явленія, то теперь, когда подтвердилось путемъ печати въ газетѣ „Свѣтъ“, я привожу его цѣликомъ, какъ странное предзнаменованіе: Въ покояхъ настоятеля пустыни архимандр. Игнатія находился превосходнѣйшій портретъ Александра II. Рисоваль его проп. Лавровъ, удостоившійся имѣть два или три сеанса съ натуры. Всѣхъ, кто видѣлъ этотъ портретъ, поражало необыкновенное сходство: Государь стоялъ какъ живой. Ниже колѣнъ къ портрету приставленъ другой кусокъ холста, на которомъ пририсованы ноги тѣмъ же профессоромъ Лавровымъ. Въ это время въ пустыни находился послушникъ, который дважды сходилъ съ ума. Архимандритъ не желалъ принимать выздоровѣвшаго инока въ монастырь, но смотритель дома умалишенныхъ упросилъ его принять послушника, какъ человѣка добраго и усерднаго. Однажды рано утромъ, когда шла заутреня, послушникъ, не замѣченный никѣмъ, прошелъ въ хлѣбопекарню, схватилъ большую кочергу, раскалилъ желѣзо докрасна въ печи, бросился съ невѣроятно звѣрскою рѣшимостію на монастырскій дворъ, потомъ въ покои архимандрита къ портрету Государя и отчаяннымъ движеніемъ раскаленною кочергою отжегъ ниже колѣнъ ноги и затѣмъ бросился на дворъ въ полномъ сумасшествіи, послѣ чего сознаніе къ нему не возвращалось болѣе. 14 лѣтъ спустя констатировано было, что сумасшедшій человѣкъ выжегъ ноги на портретѣ совершенно подобно тому, какъ взрывъ динамитной бомбы, брошенной преступникомъ, испепелилъ ихъ у Императора 1-го марта 1881 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

